

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

В. П. Аникин

ФОЛЬКЛОР КАК ЧАСТЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (НЕКОТОРЫЕ ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ)

§ 1. В последние годы фольклор неоднократно бывал предметом изучения как часть культуры Древней Руси и культуры предшествующего так называемого «доисторического» времени. В особенности часто фольклор служил материалом для установления обрядово-магических понятий и представлений, порожденных традиционным аграрно-земледельческим занятием населения Руси. Характер и границы такого изучения явили этнофольклористические и лингвоэтнографические работы, выполненные группой исследователей во главе с академиком Н. И. Толстым¹. Изучение русского фольклора и фольклора родственных славянских народов в этих работах составляет часть обширной области знания и иногда переходит в постижение народного менталитета как основы древней культуры. Существенно, что эти исследования развивают по достоинству высоко оцененные традиции науки второй половине XIX—начале XX в., когда фольклористика еще не представляла самостоятельной дисциплины и была частью культурологии, этнографии, а нередко — и лингвистики (особенно в области этимологических разысканий). Направленность этого изучения, как и всякого иного, обнаруживает границы, в особенности заметные, когда дело касалось решения общих проблем медиевистики.

Историко-этнографические и этнолингвистические работы невольно заслонили собой проблематику, заявленную в фольклористике еще в 20—30-е годы. Речь идет о направлении и принципах исследователей школы братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых, хотя противопоставление никем и нигде не декларировалось. Просто, на первый план были выдвинуты этнографические подходы к решению медиевистических проблем. Из ученых 20—30-х годов чаще остальных упоминались имена этнографов: Д. К. Зеленина² и исследователей его круга — к примеру, Е. Н. Елеонской³. Интересы и занятия этих

¹ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995; Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997; Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994; Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н. И. Толстого. В 5-ти томах. Т.1. М., 1995; Т. 2. М., 1999 и мн. др.

² Осуществлено ценное переиздание трудов ученого: Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1901—1913. М., 1994; Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки по русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995; Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1917—1934. М., 1999. См также: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Отв. ред. и автор послесловия К. В. Чистов. М., 1991.

³ Елеонская Е. Н. Сказки, заговоры и колдовство в России. Сб. трудов. / Составление и вступ. статья Л. Н. Виноградовой. М., 1994.

действительно замечательных ученых, в свое время подвергнутых несправедливой критике и несправедливо забытых, лежали преимущественно в области бытового изучения фольклора, между тем, как труды других ученых, таких, как Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, самих братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых, их последователей и учеников, по большей части, а иногда и совсем оказались обойденными вниманием. Для отстранения этого направления не было оснований.

Будет уместным напомнить, что уже в одной из своих программных статей Ю. М. Соколов пожелал, чтобы наряду с разработкой новых тем и методологии продолжались усилия в области «разысканий в истории русского быта»⁴. Ученый не мыслил движения мысли при изучении фольклора без «должной конкретизации», в том числе и бытовой⁵. Однако, главной задачей Ю. М. Соколов, считал разработку «исторического метода», предполагающего устранение социологической «прямолинейности», обнаруживаемых у последователей В. Ф. Миллера упрощенных хронологических соотношений⁶. Эти суждения имели основой *широкий* исторический подход к изучению фольклора как многосоставного культурного феномена. Предполагалось важным изучать фольклор и вне рамок бытовых толкований. Драматизм поиска масштабной *исторической* методологии в фольклористике 20—30-ых годов порожден был не ошибочностью самого направления, а формой историзма, навязанного науке социологическим схематизмом, хотя сами ученые в этом были повинны меньше всего.

Бережное критическое отношение к наследству в фольклористике 20—30-х годов позволит отделить ценные элементы от заблуждений, а главное — продолжить работу зачинателей трактовок в области изучения фольклора на базе широких исторических принципов. Только что вышедшая из печати книга В. А. Бахтиной «Фольклористическая школа братьев Соколовых: Достоинства и превратности научного знания»⁷ (хотя и была написана несколько лет назад, напоминает, как никогда кстати) об обширной области научного поиска, важного и методологически, и предметно-тематически для изучения общей и поэтической культуры Древней Руси.

Нелишне напомнить, что Ю. М. и Б. М. Соколовы и ряд их современников-единомышленников, получивших дореволюционную подготовку, в частности, у таких известных специалистов как А. А. Шахматов, М. Н. Сперанский, по примеру учителей не мыслили постижения фольклора вне изучения культуры Древней Руси в ее важнейших и, можно сказать, основополагающих особенностях. По этой причине с самого начала будет уместным назвать, хотя бы выборочно и в общем виде, темы, остающиеся актуальными для медиевистики и ныне.

Еще в ученическом реферате Ю. М. Соколов выразил мысль, перенятую у своих университетских наставников: «Убеждение же в том, что все стороны народной мысли, духа и творчества стоят всегда в соприкосновении с другими сторонами народной жизни, должно заставить исследователей учитывать всегда результаты этих соприкосновений и рассматривать народное творчество на общем фоне всей жизни народа. Особенно не надо проводить резкой грани или пропасти между устным народным творчеством и книжным»⁸. Ю. М. Соколов имел в виду духовные стихи, но нетрудно заметить, что контекст суждения выходит за пределы интерпретации только этого вида древнерусского творчества и связывает весь фольклор с письменным творчеством, не лишая каждую область культуры самостоятельности. В зрелых работах Ю. М. и Б. М. Соколовы успешно обосновали и развили тезис, положили его в основания разных конкретных разысканий. Кроме работ о духовных стихах: «Св. Дмитрий Солунский и Ма-

⁴ Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. Орган фольклорной под-секции литературной секции ГАХН М., 1926. Вып. 1. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинства и превратности научного знания). М., 2000.

⁸ Цит. по кн. В. А. Бахтиной. С.85.

май в духовных стихе и на иконе»⁹, «Большой стих о Егории Храбром»¹⁰, можно назвать работы: «О житийных и апокрифических мотивах в былинах»¹¹, «Былины об Идолище поганом»¹², а из работ Ю. М. Соколова — «Слово о полку Игореве» и народное творчество»¹³ и соответствующие разделы главной книги ученого «Русский фольклор»¹⁴. Соколовы обогатили тезис о единстве древнерусской культуры и фольклора соображениями и аргументами в пользу многосторонней постановки самой проблемы. Их ученики и последователи, в свою очередь, немало сделали для укрепления и развития этой основополагающей идеи.

Историческая трактовка проблем культуры Древней Руси в 20—30 годы стала важнейшей посылкой любого полноценного анализа¹⁵. В русле широких чисто исторических идей работали сотрудники Института русской литературы (Пушкинского дома). Школа научного поиска, сложившаяся на базе известных работ В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, в полной мере обнаружила свою значительность и плодотворность. Для изучения фольклора в его связях с древнерусской литературой важное значение имеет статья В. П. Адриановой-Перетц «Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы)»¹⁶. К оценке достоинств, а равно — к разбору недостатков этой методологической работы, равно как и других работ исследовательницы («Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия», «У истоков русской сатиры», и др.¹⁷), еще не раз обратятся специалисты.

Целью настоящей статьи не является давать историографические справки и полные оценки (они представлены весьма выборочно). Будет уместным сосредоточиться на обозначении самого круга вопросов и проблем, обращение к которым можно считать первоочередным.

§ 2. Представляется прежде всего целесообразным назвать области научного знания, к которым принадлежат темы, желательные для разработки. Темы образуют группы, к которые можно отнести освещение конкретных вопросов: 1. Древнерусский фольклор и *этническое самосознание* народа (периода существования восточнославянской народности, а в последующем — великорусской народности); 2. Древнерусский фольклор и его творцы, носители в их отношении к *государственному устройству* на разных этапах истории; 3. Фольклор как часть *художественной культуры* Древней Руси в его отношении к предшествующему времени: предполагается уяснение преобразуемых древнейших традиций, самого возникновения у культуры художественных свойств, изучение творческого соприкосновения с фольклором и культурой сопредельных племен, народностей (азиатских, восточных и южных, европейских северных и западных).

Каждая из областей, так или иначе уже бывавших предметом изучения в трудах исследователей прежнего и нового времени (в границах мифологической теории, теории заимствования, исторического подхода, типологического анализа на базе психологических и бытовых обрядовых антропологических тракто-

⁹ Этнографическое обозрение 1909. № 2—3. М., 1910. С. 182—185.

¹⁰ Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром. Исследования и материалы / Подг. текста, вступ. статья и коммент. В. А. Бахтиной. М., 1995.

¹¹ Русский филологический вестник. 1916. № 3. С. 97—119.

¹² ЖМНП. 1916. № 5. С. 1—31.

¹³ Литературный критик. 1938. № 5. С. 84—93.

¹⁴ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938. Переизд.: М., 1941. Существует три издания перевода на английский язык: Russian Folklore. By J. M. Sokolow / Translated by G. R. Smith. New-York. Macmillan. 1950; Sokolow J. M. Russian Folklore / Translated by G. R. Smith. Introduction and Bibliography by F. J. Oinas. Hatloro. 1966; Sokolow J. M. Russian Folklore / Translated by G. R. Smith. Introduction and Bibliography by F. J. Oinas. Detroit. 1971.

¹⁵ См.: Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959. Андреев Н. П. Фольклор и его история // Русский фольклор. Хрестоматия. / Сост. Н. П. Андреев. М.; Л., 1936. С. 5—20; 2-е изд. М.; Л., 1938. С. 5—24 (Вариант статьи: Андреев Н. П. Проблема истории фольклора // Советская этнография. 1934. № 3. С. 28—45).

¹⁶ Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 8—19.

¹⁷ Статьи наряду с другими, близкими по темам, включены в сб. автора «Древнерусская литература и фольклор».

вок, сближения сюжетов и мотивов), предполагает оценку труда предшественников, разработку теоретико-методологических вопросов и предметную разработку конкретных исторических тем с анализом отдельных произведений, явлений, процессов.

§ 3. *Этническое изучение древнерусского фольклора.* Фольклор как непосредственное традиционное творчество народной массы запечатлел в себе все свойства этнического менталитета, начиная с осознания этносом своего происхождения, исторических судеб, отношений с соседями (родственными и неродственными) и кончая объяснением особенностей бытового, психического, семейного, народно-племенного уклада жизни, привычек, характера народа и свойств языка. Для такого изучения исследование фольклора имеет первостепенное значение. Вместе с археологическими находками фольклор, взятый в традиционных основах, возникших в далеком прошлом, поставляет ценные данные для постижения этнических свойств народа. Методологию этнических исследований многосторонне и конкретно систематизировал и изложил академик Ю. В. Бромлей в труде «Этнос и этнография»¹⁸. Фольклор был включен в число первоисточников для суждений об этнических образованиях, дифференциации, этносов, самой принадлежности к этносу, для установления структуры этнической культуры, этнических процессов, этнических свойств, состава и признаков. Фольклористика как наука заняла в составе этнических исследований свою особенное место. Фольклор признан важнейшим показателем истории этносов на всех этапах их исторического существования — от родо-племенных образований до возникновения народностей и наций. Однако, чтобы фольклор мог служить основой для этнических характеристик, он сам должен быть предварительно изучен с целью установления в нем разнообразных последовательно возникавших хронологических напластований. Стратиграфия фольклорных традиций: мотивов, сюжетов, образности, стиля, языковых свойств — проблема, которой есть все основания уделять неизменное и постоянное внимание.

Количество ранних записей древнейшего фольклора крайне ограничено, и каждый факт такой фиксации требует тщательного многостороннего исследования. В сущности, задача реконструкции прошлых состояний фольклора может быть приравнена к работе палеонтолога: требует системного подхода, обязывает брать в качестве основы для суждений обстоятельно разработанные классификационные свойства и признаки, по которым через частности опознается системное целое. Соответственно желательно критически разобрать принципы и исследовательские подходы, которыми пользовались ученые в прошлом — сторонники сравнительного изучения мифов славянских и других индоевропейских народов, компаративистические труды, основанные на сличении фольклора народов, находившихся в культурных связях и пользовавшихся результатом взаимного обмена культурными ценностями, а равно — типологические исследования, выполненные на основе признания идей универсализма и единства культуры народов мира. Опыт успешного использования методов и принципов компаративизма предполагает учет справедливой критики, которой задолго до нашего времени была подвергнута, к примеру, школа мифологических исследований, выполненных в духе следования принципам раннего Ф.И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, О. Ф. Миллера. Сторонники современной универсальной мифологической интерпретации еще не дали ответа на критику самих принципов умозрительных историко-мифологических построений, а она исходила от весьма осмотрительных и основательных исследователей (позднего Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского и др.). Мимо указания на неприятие ими произвола и исторического схематизма не проходит ни один историограф¹⁹.

¹⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография М., 1973. См. также последующие труды: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983 и ряд др.

¹⁹ См.: Архангельский А. С. Введение в историю русской литературы. Т. I. Пг., 1916; Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917. С. 3—178; Коккьяра Джузеппе История фольклористики в Европе. М. 1960; Академические школы в русском литературоведении / Отв. ред П. А. Николаев. М., 1975, гл. I—IV; Топорков А. Л. Теория мифа в русской мифологической науке XIX века. М., 1997 и ряд др.

Особенно важным для уяснения историко-этнических судеб фольклора и культуры Древней Руси становится решение проблем формирования этнических свойств фольклора и культуры у родственных по языку и историческим судьбам восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов). Проблема приобрела особую актуальность в условиях современного социально-политического развития, важна для установления дружественных отношений восточнославянских народов. Общий восточнославянским народам по изначальным традициям фольклор Киевской Руси в последующем развитии претерпел изменения и развитие — особенно в условиях культуры сформировавшейся великорусской народности, а позднее — национальной культуры России. Украинская и белорусская народности возникли позднее русской и в условиях, отличающихся от исторических обстоятельств, при которых развивалась русская культура и фольклор. Отсюда происходит различие культуры и фольклора у братских народов, разница исторических тем, образных этнических трактовок, специфика жанров и жанровых разновидностей. Архаические традиции, общие для всего восточнославянского фольклора, оказались в целом на Украине и в Белоруссии преобразованными в большей степени и выборочно, чем у русского народа, хотя это не помешало частичному сохранению и на Украине, и в Белоруссии некоторых архаических традиций. Сравнительный анализ фольклора как показателя этнической характерности культуры обнаруживает у восточнославянских народов и родственность, и различие. К примеру, сопоставительный анализ ведет к выводу, что в украинском фольклоре жанры лирики оказались преобразованными в согласии с мелодическими основами, более близкими позднему сознанию. Наблюдается и особенное развитие эпических повествовательных начал в жанре украинских колядок, особенное развитие духовного стиха на профессиональной лирической основе. В свою очередь в белорусском фольклоре замечена более тесная, чем у остальных народов, преемственная связь с архаическими традициями в сказках, обрядовых песнях. Репертуарный состав фольклора у трех народов, в свою очередь, отразил исторические условия разного существования фольклора у каждого из народов. Большой комплекс названных и не названных здесь проблем формирования фольклора у восточнославянских народов и его судеб еще ждет своих исследователей в дополнение к работам, уже частично выполненным в этой области²⁰.

§ 4. *Фольклор и его отношение к общегосударственному устройству.* Вопреки расхожим представлениям и понятиям круг проблем этого рода не был навязан современной науке долгим монопольным положением марксистского учения. Задолго до 1917 года исследователи фольклора и культуры Древней Руси самостоятельно пришли к мысли о необходимости социально-классового и политического анализа — считали важным учитывать социальные условия, при которых развивался фольклор и культура общества. Об учете простонародного начала в его отличии от особенностей культуры высших образованных слоев населения писали многие: В. Ф. Миллер (при решении проблем происхождения эпоса и других видов фольклора)²¹, его ученик А. В. Марков, высказавшийся в пользу замены историко-бытового толкования фольклора исследованием в соответствии к социально-классовым делением общества: «д[олжно] б[ыть] историко-социологическое»²², В. А. Келтуяла как автор обширного труда с изложением и реализацией теории «аристократического» происхождения культуры²³, П. Н. Сакулин как историк литературы, с сочувствием разрабатывавший теорию синтеза культурного вклада разных сословий и

²⁰ Плисецкий М. М. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса / Отв. ред. М. Ф. Рыльский. М., 1963; Плужникова С. Былевое наследие белорусского сказочного эпоса // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1965. Т. XXIV. Вып. 6. С. 493—502 и ряд др.

²¹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. Т. I. М., 1897. С. 1-96; Т. III. М.; Л., 1924. С. 3—90.

²² См.: Аникин В. П. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 85. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II. М., 1963. С. 163.

²³ Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы. В 2-х кн. СПб., 1906—1911.

²⁴ См.: Сакулин П. Н. Синтетическое построения истории литературы. М., 1925 и др. его работы.

классов²⁴. Можно было бы назвать и других не менее известных исследователей, по-своему принимавших во внимание творчество представителей разных классов: С. К. Шамбинаго, М. Н. Сперанского и др.

Социологический анализ обрел ярко выраженную, но не всегда вульгарную окраску в работах Б. М. Соколова, Ю. М. Соколова, М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, их последователей и учеников в 40—50-е годы. Напомню о весьма примечательном факте — острой полемике Ю. М. Соколова с Е. Н. Трубецким, автором полемической брошюры «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке»²⁵. Ю. М. Соколов стоял на позиции недопустимости брать фольклор в «недифференцированном в социальном отношении виде» и считал необходимым давать социологический анализ, «чтобы отчетливее разобраться в этом массовом наследии веков, которое именуется русским фольклором». Вместе с братом Б. М. Соколовым Ю. М. Соколов полагал важным изучать «социологическую детерминацию стиля в целом» и считаться как с фактом с «социологизацией жанров», соотносением их с разными общественными группировкам внутри «народа»²⁶.

Историки литературы Древней Руси в свое время вполне разделили эту точку зрения. В. П. Адрианова-Перетц писала: «Итак, четкая классовая характеристика всего устно-поэтического наследия Древней Руси — первоочередная, неотложная задача; чтобы в каждом отдельном случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель, сохранил или изменил он самую сущность использованного устного материала, а также чем вызвано его отношение к этой сущности. Следует при этом иметь в виду, что классовая неоднородность фольклора находит в литературе не в каждый период средневековья»²⁷. Известная исследовательница в общих формулировках нередко утрировала социологический анализ, но, как всякий серьезный ученый, принимала в соображение сословную социальную неоднородность фольклорного творчества. А что это несомненный факт, легко убедиться, если не предвзято подходить к изучению былинного эпоса, исторических песен, преданий, сказок, паремий, казачьего фольклора, который, кстати сказать, не являет единодушия в оценке деяний исторических лиц (к примеру, Ивана Грозного, Степана Разина, Петра Великого и др.). Кроме того, в общих социологических суждениях, важно признавать не только сословную неоднородность фольклора, но и проводить разницу между его прямой «генетической» народностью и тем состоянием, которое именуют народностью по смыслу и направленности, точнее говоря, *общенародностью*. Думается, и этим в частности привлекательна не так уж часто цитируемая давняя книга Д. С. Лихачева «Национальное самосознание Древней Руси»²⁸.

При всем том ныне остро ощущается необходимость более строгих «формулировочных» суждений, когда предпринимаются широкий социологический охват явлений культуры при обозначении целых историко-культурных периодов вообще и фольклора в частности. В известном академическом труде «Русское народное поэтическое творчество. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков»²⁹ периодизация прямо сопрягается с историей государственных учреждений и институтов: «временем расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI в.)», «годами феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII—XIII в.)», «периодом феодальной раздробленности и создания централизованного Русского государства (XIII—

²⁵ Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 1922. (См. также: Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. № 1—2. С. 220—261); Литературная учеба. Кн. 2. М., 1990. С. 100—118 (публикация А. Л. Налепина). О Е. Н. Трубецком см.: Налепин А. Л. Иллюзии «жирного царства» // Там же. С. 96—99.

²⁶ См.: Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых. С. 56, 59.

²⁷ Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. С. 13.

²⁸ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945.

²⁹ Русское народное поэтическое творчество. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков / Лихачев Д. С., Скрипиль М. О. и др. Т. 1. М.; Л., 1953.

XV в.)», «периодом укрепления централизованного Русского государства (XV—XVI в.)» и проч. Приоритетное положение общеполитических и общегражданских исторических критериев перед всеми другими выступает с очевидностью. Между тем и у культуры, и у фольклора как его части существовала и собственная история со своими проявлениями в рамках общих социальных и общих политических состояний, причем, далеко не всегда совпадающими. Собственная периодизация культуры и фольклора до сих пор остается открытой научной проблемой. Намерение по-своему решить ее в последние десятилетия проявили сторонники отвлеченного толкования историко-культурных и историко-фольклорных явлений на базе произвольного логико-семиотического подхода, сопровождающегося установлением якобы присущих культуре и фольклору «кодовых» и «знаковых» значений (о чем, конечно, надо писать подробно, разбирая конкретные положения работ сторонников такого толкования культуры и фольклора, для чего в рамках этой статьи нет места). Структурно-семиотическим идеям противостоит мощная традиционная мысль подлинных историков культуры как в прошлом, так и в настоящем. Медиевистам еще предстоит вернуться к оценке важных исследовательских положений и выводов В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова. В исследованиях «Русский героический эпос», «Исторические корни волшебной сказки», «Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования)» и в других известных работах В. Я. Проппа более всего привлекательны положения, подкрепленные многообразными аргументами из области истории обрядовой, общественной и даже политической практики народа³⁰. Б. А. Рыбаковым создана целая область разысканий, касающаяся истории разных социальных и культурных институтов до—Киевских эпох, истории древнерусской киевской культуры³¹. При разном отношении к конкретным положениям всех этих трудов, значительность их в истории науки представляется несомненной.

§ 5. *Фольклор как явление художественного творчества Древней Руси.* Заслугой специалистов, изучавших в последнее десятилетие фольклор и литературу русского средневековья несомненно стало установление их принадлежности к культуре с различными системными художественными свойствами и особенностями. Чтобы в полной мере оценить это обстоятельство, надо прежде всего отметить, что существовали и существуют два крайних воззрения, которые не примет ни один из серьезных исследователей. Нельзя оценивать фольклор и литературу Древней Руси только как явления художественного творчества, оставив в стороне прочие их свойства, как нельзя представлять их и как явления, на чисто функционально с искусством не связанные, и считать, что их существование обусловлено исключительно потребностью выполнять религиозно-ритуальные и иные прагматические, в том числе политические, функции.

Что касается фольклора, то его многофункциональность возникла из древнейшего состояния, именуемого синкретизмом. Традиция такого состояния с полной очевидностью предстает в форме включения устного произведения в быт: это касается прежде всего заговоров, плачей-причитаний, календарных и других обрядовых видов творчества. Обряд не искусство, а сама практическая жизнь. Художественное начало не выступает в виде самостоятельного компонента, всегда соединено с бытовой и обрядовой целевыми установками произведений и подчинено им. Художественные свойства в такого рода творчестве предстают неосознаваемо. Однако явление синкретизма таким включением художественного компонента в бытовое произведение не ограничивается. Фольклорные произведения могут оставаться и вне быта, но соединять в себе все роды и виды *мировоззренческой многофункциональности* — одновременно

³⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955, 2-е изд. М., 1958 и др. издания; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; 2-е изд. Л., 1986 и др.; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963.

³¹ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1987 (переиздание — 1988) и др. Автор с полным основанием рассматривает обе книги как части единого труда. К ним следует добавить и многочисленные статьи автора, в свое время опубликованные в научной печати.

менно являть в себе начала исторической памяти, быть выражением религиозной и правовой мысли (заключать в себе неписанные правила людского общежития, правовых имущественных отношений), заключать в себе кодекс правил поведения, содержать природные наблюдения, приметы и проч. Тут явлен целый комплекс разных элементов миропознания в прямой обусловленности общественным бытием человека. В отличие от *прагматического бытового синкретизма* этот род синкретизма носит исключительно мировоззренческий характер. Художественные понятия и представления в этого рода синкретизме тоже соединены с другими началами, но не бытовыми. Мировоззренческий синкретизм отделен от включенности в практическую жизнь. Он только соотносим с реальной практикой. Печатью мировоззренческого синкретизма отмечен мифологический эпос, исторические песни, предания, легенды, величания-славы, бывальщины, былички, разные виды паремий (поговорки, приметы и проч.). Художественный компонент в таких произведениях фольклора неизменно и органически соединен с остальными видами мировоззренческого осознания реальности.

Произведения с чисто художественными установками: сказки, побасенки, лирические и балладные песни, виды и роды зрелищного комического искусства, сатиры являют собой состояние, пришедшее на смену синкретизму во всех его предшествующих проявлениях. Вернее было бы сказать, что здесь художественность есть наиболее развитое и дальше всего ушедшее в историческом развитии состояние фольклора. Она отмечена выделением искусства в самостоятельный род автономного творчества. Древнейшие традиции (прямая связь с бытом, соединение разных видов мировоззренческих установок) в художественном фольклоре устанавливается только через анализ предшествующих традиций и ретроспективно с помощью генетического анализа, одна из форм которого разработана В. Я. Проппом в работах о морфологическом строе и исторических корнях волшебной сказки³².

Из представленных разных состояний жанровых качеств фольклора следует несколько важных теоретико-методологических требований, следование которым позволит избежать невольного осовременивания фольклора Древней Руси, введет анализ его художественных свойств в реальные границы его проявления в творчестве отдельных творцов и свяжет такой анализ с уяснением всех остальных функциональных назначений древнерусского фольклора. Одновременно этот подход обязывает сосредоточиться на изучении традиционных устойчивых форм (в темах, сюжетах, мотивах, стиле), которые ставят творчество отдельного человека в подчиненное положение к распространенным и принятым всеми творцами образно-стилевым формам творчества, постепенно и исподволь сложившимся в народе. Фольклор — искусство безличное, коллективное. Творческий процесс в нем можно мыслить по аналогии с языко-творческим, хотя нет оснований отождествлять эти процессы. А. А. Потебня был совершенно прав, когда изнутри объяснял процесс фольклорного творчества, мысля его по аналогии с эволюционным созданием языка на базе использования и переработки изначальных форм³³. Замечательный ученый ошибался только в одном: он отождествил язык и искусство, форму образования новой семантики слов и собственно художественное содержание творчества: *система* языка и выраженное с *помощью языка* содержание не одно и то же.

Творчество в фольклоре *эволюционно и многослойно*. В этом его сила и в этом его особенность. Ученые XIX в.: Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский и др., будучи прежде всего филологами, неизменно основывали суждения о фольклоре именно на таком понимании его творческой природы и исторической специфики. В фольклоре налицо традиционная устойчивость жанров, их разновидностей. Здесь постоянно дает о себе знать выработанная веками особая удивительно жизнеспособная стилевая система. Считаюсь с традиционными устойчивыми бытовыми, мировоззренче-

³² Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928. (Государственный институт истории искусств. Вопросы поэтики Вып. XII). Переизд.: М. 1969 и др. См. также: Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998.

³³ Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 19—25 и др.; Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

скими и образно-стилевыми «клишированными» формами, только и можно изучать фольклор, в том числе и древнерусский.

Письменность Древней Руси в отличие от фольклора явила иную ступень общественного и художественного сознания, параллельно сосуществовавшую с фольклорным и отчасти зависевшую от него (в частности, при возникновении так называемого «двоеверия» и частых явлениях «обмирщения» духовного содержания). Однако при всем том письменности не была свойственна синкретическая многофункциональность фольклорного типа — включенность в быт. Многофункциональность письменного творчества сходна с мировоззренческим синкретизмом фольклора, но и по отношению к нему она *качественно* иная, хотя *типологически* может частично совпадать. Таковы многофункциональные погодные разного содержания записи в летописях. Они обнаруживают общественно-политическую, общеисторическую, локальную местную, религиозно-этическую функции, отчасти и художественную, но не самостоятельную, а в соединении с остальными. Агиографические жанры выполняли религиозно-культовые функции, историко-бытовую, героико-историческую функцию и, прежде всего, морально-этическую. Широкого диапазона мировоззренческая многофункциональность характерна и для апокрифов. Свои функции у посланий, поучений, путешествий, молитвенных «слов», житийных сказаний, разных видов ораторской публицистики. Произведения, организованные в тематико-жанровые циклы, представляют собой сложное сочетание многофункциональных произведений: служебно-молитвенные и повествовательные комплексы. Доля художественного творчества во всех этих произведениях разная. Можно заметить, что в отличие от фольклорного мировоззренческого синкретизма произведения письменного творчества уже отмечены *синтезом*, принципиально иным качеством, отличающимся от синкретизма уже тем, что соединяет в себе *раздельно существующие самостоятельные* компоненты. В синкретическом состоянии они пребывают в неразвитом виде, а тут сочетаются достаточно развитые компоненты в особое сложное целое. В частности, и по этой причине художественность многих древнерусских произведений не вызывает сомнения. Самым значительным явлением художественного творчества общепризнано «Слово о полку Игореве», хотя при всем том оно остается жанром публицистической и исторической мысли своего времени.

Для древнерусской литературы характерно иное проявление и авторского начала и авторского самосознания³⁴, хотя оно и выступает в соединении с традиционными жанровыми формульно-стилевыми особенностями произведений. Остается в силе суждение В. П. Адриановой-Перетц: «Проблема взаимоотношения в Древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотношения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости»³⁵. В связи с таким пониманием сути различия литературы и фольклора в составе древнерусской культуры обретают свою настоящую силу наблюдения А. С. Орлова над формульным стилем воинских повестей для понимания принципов художественного мышления их авторов³⁶, а равно — соображения О. В. Творогова о клишированных формулах древнерусских произведений³⁷. Остается пожалеть о немногочисленных работах, посвященных исследованию древнерусского стиля и языка как сложного сочетания литературных норм и устойчивых форм поэтического слога фольклора³⁸. Художественную специфику древнерусского творчества многосторонне выявил Д. С. Лихачев в из-

³⁴ См. об этом: Коняевская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI—середина XV в.). М., 2000.

³⁵ Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. С. 8.

³⁶ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) М., 1902; Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в. // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 344—379.

³⁷ Творогов О. В. Задачи изучения литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29—40.

³⁸ См. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947; Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963.

вестных работах: «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы»³⁹, восстановив в правах тонкие наблюдения таких замечательных исследователей, как Л. П. Карсавин⁴⁰, П. М. Бицилли⁴¹ других исследователей первой половины XX века. Не снята с повестки научного изучения и проблема творческого метода, по-своему разработанная И. П. Ереминым⁴². Представляется, что творческий метод древнерусской литературы можно постигнуть и путем сопоставления с исторически сменившимися его методами художественной литературы нового времени (классицизм, сентиментализм и романтизм), и через сравнение с методом фольклора, хотя метод фольклора выявляет себя в границах иного хода самой мысли творцов, минуя формы правдоподобия и обобщающих реальность в виде как бы вневременных традиционных условностей.

Широко в последние годы решались вопросы об особенностях жанров, возникших на границе непосредственного соединения народно-массовой и профессиональной области творчества — речь идет о духовных песнях и стихах⁴³, заговорах⁴⁴, легендах⁴⁵ и апокрифических сказаниях. К их изучению ученые вернулись после длительного перерыва (40-е годы—конец 80-х). Сам по себе этот отрадный факт не должен закрыть от нас и того обстоятельства, что возвращение к изучению заброшенной области вернуло нам не только достижения ученых прошлого времени (В. П. Адриановой-Перетц⁴⁶, Г. П. Федотова⁴⁷ и др.), но и нерешенные вопросы, касающиеся хронологии, анализа источников, соотношения с исторической реальностью, проблемы классификации жанровых разновидностей, исследования форм соединения письменной и народно-разговорной стихии в языке и другие не менее важные проблемы.

* * *

Нет сомнения, что в условиях свободы научного поиска все упомянутые в настоящих заметках вопросы и проблемы получают положительное разрешение, если только переживаемой страной и наукой нелегкие времена не остановят самого научного поиска.

³⁹ Лихачев Д. С. Избранные работы. В 3-х томах. Л., 1987.

⁴⁰ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках. СПб., 1997 др.

⁴¹ Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998.

⁴² Еремин И. П. О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература. 1958. № 1. С. 75—82; Еремин И. П. К спорам о реализме древнерусской литературы // Русская литература. 1959. № 4. С. 3—8, а также: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.; Л., 1966 и др.

⁴³ См. Селиванов Ф. М. Русские народные духовные стихи / Подг. к публикации и редакция текста Т. А. Золотовой. Марийский гос. ун-т, 1995; Хлыбова Т. В. Стихи о святом Георгии-Егории (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории «текста». АҚД. М., 1994; Коробова А. В. Эпические духовные стихи о страшном суде (фольклорная трансформация источников: литературных, литургических и иконографических) АҚД. М., 1997.

⁴⁴ Фадеева Л. В. Богородица в русских заговорах (роль христианских источников в формировании образа). АҚД. М., 2000 и др.

⁴⁵ Алпатов С. В. Повествовательная структура легенды: Книжные источники и поэтика фольклорных сюжетов об искушении. АҚД. М., 1998 и др.

⁴⁶ См.: Адрианова-Перетц В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

⁴⁷ Федотов Г. [П]. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

